

Сергей Щавелев

Еще раз о бронзовом идоле из Черной могилы

«Вестник Московского университета» в № 3 своей исторической серии за 1984 г. опубликовал статью Т. А. Пушкиной «Бронзовый идол из Черной могилы». Изложенные в ней соображения основаны на результатах недавно проведенной реставрации одного из предметов, обнаруженных Д. Я. Самоквасовым при раскопках черниговского кургана Черная могила в 1873 г.¹ В каталоге коллекции древностей этого ученого, подаренной им в 1891 г. Русскому историческому музею в Москве и украшающей с тех пор его экспозицию, этому предмету дано следующее описание: «№ 3271 представляет человека, сидящего на корточках, со сложенными на груди руками»². Речь идет о бронзовой статуэтке небольшого размера, которую сам первооткрыватель назвал языческим божком-идолом.

Сходную оценку этого изображения как атрибута местного, восточнославянского религиозного культа давали и последующие авторитетные исследователи³.

Т. А. Пушкина же предполагает скандинавское происхождение фигурки и находит аналоги с ней в костяных изделиях из Швеции, Исландии, рисунках (петроглифах) из Норвегии и Дании. С ее точки зрения, и варяжские, и русский (по месту находки) памятники этого рода изображают скандинавского бога грома, войны и плодородия. Автору статьи «присутствие изображения Тора представляется уместным среди погребального инвентаря знатного воина⁴, связанного с варяжской средой. В этом случае особый интерес приобретает этническое и социальное определение погребения Черной могилы»⁵.

На наш взгляд, данный вывод недостаточно обоснован, а в некотором смысле представляется прямым недоразумением.

Напомним, прежде всего, как оценивал значение черниговских древностей тот, кто их обнаружил, — замечательный русский ученый (историк права, археолог, архивист) Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911 гг.). Он одним из первых перенес систематические исследования с причерноморского юга

1 Обмеры и шурфование кургана осуществлялись осенью 1872 г., а раскопки до материка — летом 1873 г.

2 Самоквасов Д. Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. — М., 1916. — С. 11.

3 См.: Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 11. — М.; Л., 1949. — С. 43.

4 Точнее сказать, воинов, ибо в Черной могиле, судя по выполненным реконструкциям погребения, покоились останки двух мужчин — постарше и помоложе — и женщины.

5 Пушкина Т. А. Бронзовый идол из Черной могилы // Вестник Московского университета. — Серия 8. История. — 1984. — № 3. — С. 87.

России в ее центральные, исконно восточнославянские области. Самые замечательные открытия ждали его на родине — Черниговщине, где им были изучены (главным образом на собственные скудные средства и благотворительные пожертвования) в числе многих других памятников и курганы IX–X вв. — Черная могила, Гульбище, Безымянный и др.

Они, кстати сказать, сохранились до сих пор, раскапывались принятым тогда способом — «колодцем», затем опять засыпались и ныне охраняются государством как памятники археологии. На вершине Черной могилы стоит строгий обелиск из черного гранита, воздвигнутый после окончания раскопок Д. Я. Самоквасовым. На четырех гранях обелиска выгравированы контуры важнейших находок из погребения, в том числе — изображен божок, о котором идет речь.

Опубликовав отчеты о раскопках в Чернигове по их свежим следам, ученый затем включил репродукции и описания найденных вещей, фотографии и планы памятников в свои обобщающие труды по археологии⁶, а их интерпретацию дал в систематических курсах истории древнего русского права. «По свидетельству вещественных памятников, — писал Д. Я. Самоквасов, — славяноруссы представляются нам не рассеянными полудикими племенами, а народами земледельческими, сплоченными в политические союзы и имевшими в глубокой древности и до времени рецепции христианства в России сношения с цивилизованными народами Южной Европы⁷ и Азии. В частности, «страницы, остатки погребальных тризн, остатки жертвоприношений, *изображения божков* (курсив наш — С. Ш.) и другие предметы, найденные в языческих курганах, поясняют верования наших предков»⁸.

На ученых-историков, широкую образованную публику черниговские находки — разнообразное вооружение, бытовые и ювелирные изделия, орудия труда, предметы культа, детали одежды, остатки продуктов, игрушки и многое другое — произвели большое впечатление. Они наглядно опровергали миф об отсталости, якобы низком уровне материальной и духовной культуры восточных славян накануне образования Киевского государства. Познакомившись с коллекцией Самоквасова летом 1874 г. на выставке III Археологического съезда в Киеве, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров, А. С. Уваров и другие ученые патри-

6 См.: Самоквасов Д. Я. О раскопках кургана «Черная могила» в Чернигове // Известия русского географического общества. — СПб., 1874. — Т. X. — С. 30–31; Его же. Результаты исследования черниговских курганов с костьями // Древности. Труды Московского археологического общества. — М., 1874. — Т. 4. — Вып. I. — С. 77–82.

7 См.: Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. — М., 1908. — С. 188–201; Его же. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М., 1908. — С. 14–18. Вещевой комплекс Черной могилы был сохранен Самоквасовым в целости и частично реставрирован им самим перед тем, как его коллекция поступила на музейное хранение. Эти вещи, как и приложенные к ним полевые дневники, чертежи, рисунки, фотографии хода раскопок, частично опубликованные при жизни и после смерти археолога, до сих пор используются в качестве первоисточника исследователями древнерусской культуры.

8 Самоквасов Д. Я. История русского права. Университетский курс. — Кн. I. Языческая эпоха. Источники. Содержание институтов экономического, религиозного, государственного и процессуального права. — Варшава, 1888. — С. 146.

отического направления нашли ее лучшим аргументом против норманистской фальсификации первых веков русской истории, подтверждением своих взглядов на ее самобытность и высокий уровень еще в «дориюриковский период»⁹.

В свое время отец «палеонорманизма» А. Л. Шлёцер заведомо отвергал возможность находок высокохудожественных вещей славянской работы в древних культурных слоях русской земли. Через нее, рассуждал он, «все народы, переселявшиеся из Азии в Европу, не только проходили, но и оставались в ней... Отсюда делали они свои набеги; здесь с сожженными своими покойниками клали они в гроб часть добычи... Чего еще впредь не выроют из здешних курганов!»¹⁰. Но «все эти древности не принадлежат сюда, где говорится о первых столетиях России по древним, а не по нынешним, ужасным образом распотранившимся границам оныя»¹¹.

Как ни странно, процитированный нами выше вывод Т. А. Пушкиной звучит в унисон с этим горе-пророчеством. Предмет, входящий в целостный комплекс бесспорно восточнославянских древностей, объявляется иноземным, выставляется символом не местного, а совсем иного мировоззрения и образа жизни. Но это еще полбеда. В археологии сплошь и рядом встречаются чужеродные вкрапления вещей иностранной работы в погребальные и иные материалы автохтонной культуры. В самой Черной могиле найдены: сабля — явно восточное оружие, три византийские монеты, позволившие точно датировать погребение 960-ми годами, другие явно неславянские предметы. Более того, в той же самой статуэтке идола сам первооткрыватель, исследователь, вообще смелый на неожиданные параллели и остроумные гипотезы в связи с археологическими находками, даже предположил, на сей раз осторожно, изображение Будды¹².

Однако подобному сочетанию продукции отдаленных ремесленных центров с местными изделиями всегда находилось вполне логичное объяснение: торговля, дарение, военная добыча, находка при путешествиях и проч. Отрицать межрегиональные контакты, культурно-исторические связи разных народов в самые давние времена никто теперь не станет. В частности нельзя спорить с фактами обнаружения явно скандинавских вещей (военного, культурно-бытового назначения) и целых погребений варягов на нашей земле. Подобные факты уже получили свое принципиальное объяснение в трудах отечественных историков¹³, и ныне совершенно ясно, что материальные следы скандинавского этноса

9 См.: Труды III Археологического съезда. — Киев, 1878. — Т. I. — С. XXVIII–XXIX, XXXIII–XXXV; Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. Изд. 2-е. — М., 1882. — С. 391–392; Иконников В. С. Опыт русской историографии. — Киев, 1892. — Т. I, кн. 2. — С. 1420; Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — СПб., 1893. — С. 450, 462; и др.

10 Шлёцер А. Летописец Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. — СПб., 1809. — Ч. I. — С. Pс (буквенная пагинация).

11 Там же. — С. Pи.

12 См.: Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли... — С. 199.

13 В том числе, между прочим, и в предыдущих работах самой Т. А. Пушкиной. Так, ее

нигде у нас не занимают подавляющего, преобладающего положения по сравнению с восточнославянскими археологическими материалами. Мнение ряда дореволюционных отечественных и современных зарубежных авторов о наличии на Руси мощных варяжских колоний — форпостов скандинавского культуртрегерства — ничем не подтвердилось и сдано в историографический архив¹⁴.

Для Т. А. Пушкиной «представляется возможным» сделать вывод (по одной-единственной вещи из сотен, извлеченных из кургана¹⁵) о связи погребенного воина с «варяжской средой» (населением Скандинавского полуострова? Путешествующим отрядом викингов? Наемной дружиной черниговского князя? Группой варяжских завоевателей Северянской Черниговщины?). Между тем, ни одного отличительного скандинавского погребального ритуала (сожжение в ладе, гривны с атрибутами Тора, выпуклые, овальные фибулы и проч.) ни в Черной могиле, ни в остальных черниговских курганах не обнаружено.

Отдельные мужские и женские погребения (около 10 из 130) варяжского типа выявлены в составе дружинного могильника у с. Шестовицы, расположенного поблизости Чернигова (в 12 км от него). В с. Шестовицах, очевидно, была дислоцирована дружина киевского князя, в составе которой находились и варяжские воины¹⁶. Здесь их и хоронили. Некрополи местных, черниговских, «лучших людей» и их приближенных располагались в пригородах столицы княжества (центрами таких кладбищ являются большие курганы — Гульбище, Безымянный и др.). Логично предположить, что наиболее престижный — княжеский, боярский участок кладбища языческой эпохи увенчала Черная могила, а также меньший по размеру, но столь же богатый по инвентарю курган княжны Чорны (Цорны), снесенный при строительстве и разграбленный в начале XIX в.¹⁷ «В обрядах Черной могилы, Гульбища, Безымянного кургана, исследованных археологами, выступает исключительно сложный и пышный ритуал языческих сожжений, близкий по масштабам обрядности на основе несколько иных, среднеднепровских традиций и никак не связанных с варяжским обычаем

атрибутиция отдельных украшений из дружинных курганов Гнездова как вещей скандинавского типа не вызывает сомнения. См.: Пушкина Т. А. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси // Вестник Московского университета. — Серия 8. История. — 1972. — № 1; а также: Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии. — № 1160–1980.

14 См.: Ловмянский Х. Русь и норманы. — М., 1985; Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и современные проблемы. — Л., 1988.

15 Оригинальным вещам из Черной могилы были присвоены инвентарные номера 2443–3247 самоквасовской коллекции, помещенной в Исторический музей, а их множественные дубликаты переданы археологом в музей Киевского университета, а также в личные собрания В. Б. Антоновича, Л. К. Ивановского, А. С. Уварова, откуда они, в конечном счете, опять-таки перешли в отечественные музеи.

16 Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. — Л., 1985. — С. 243.

17 Там же.

сожжения в ладье, составляющим специфику обрядности гнездовских «бояр»¹⁸ (курсив наш. — С. Щ.).

Однако Т. А. Пушкина не согласна с этим выводом, сделанным независимо от нее по тем же материалам Г. С. Лебедевым, и согласующимся с той картиной древнерусского общества, что воссоздана трудами нескольких поколений русских и советских ученых. С ее точки зрения, реставрированная фигурка дает основание для пересмотра принятого в науке этнического и социального определения людей, погребенных в Черной могиле. Согласно последнему, здесь, по всей вероятности, похоронены знатные представители восточнославянского племенного союза («княжения»), скорее всего — летописных северян. Б. А. Рыбаков приводит веские аргументы за то, что курган принадлежал не просто высокопоставленным дружинникам, а лицам княжеского достоинства. Один из таких аргументов — наличие здесь комплекса предметов языческого культа, а в их составе обсуждаемого амулета, отправлять который среди воинов мог именно князь.

«При насыпке Черной могилы люди, руководившие погребальным обрядом, ...очень внимательно отнеслись к тому, чтобы богаче представить связь погребенных с культом. Здесь мы видим и два турьих рога, обязательные атрибуты славянских божеств, два жертвенных ножа и, наконец, бронзового идола. Современники покойных дали нам понять, что под насыпью Черной могилы лежат люди, облеченные правами не только военачальников, но и жрецов, люди, которым могут понадобиться на том свете и ножи для заклания жертв, и священные ритоны для провозглашения благоденствия соплеменникам»¹⁹, и, добавим, символический представитель самих высших сил — стилизованный божок.

Местная молва издавна связывала погребение с основателем Чернигова — легендарным князем Черным, а соседний, несохранившийся курган — с его дочерью княжной Черной. Так до сих пор представляют памятник экскурсантам, знакомящимся с достопримечательностями города на Десне.

Менее доказательной представляется нам догадка Д. А. Мачинского о том, будто и в Черной могиле похоронен герой летописного предания воевода Претич, якобы выполнявший в Чернигове функции наместника киевского князя. Основанием для такого предположения служит упоминаемая в летописи сабля, полученная Претичем в дар от предводителя печенегов при заключении перемирия с ними в 968 г. Однако никакого обмена оружием комплекс Черной могилы прямо не подтверждает. Думается, гораздо реалистичнее объяснить присутствие в погребении сабли юным возрастом одного из похороненных здесь людей. Весь комплект его вооружения миниатюризирован. Обычный дружинный меч был, видимо, слишком тяжел для воина-подростка и он использовал сподручную саблю (трофейную? купленную? даренную?)²⁰. Ни в других сла-

18 Там же.

19 Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М., 1987. — С. 313–314.

вянских, ни в варяжских дружинных курганах сабли больше не встречаются, только мечи. Впрочем, второй меч для юноши в Черную могилу все-таки положили, дабы не отступать от общего правила похорон. Между прочим, захоронение подростка по самому почетному обряду косвенно свидетельствует о его принадлежности к правящей в Черниговском княжестве династии. В этом случае не возраст, не жизненные заслуги, а происхождение диктовали его социальный и, следовательно, загробный статус.

Значение находок Самоквасова многократно увеличивалось почти полным совпадением структуры и инвентаря черниговских курганов с красочными описаниями похорон предводителей руссов, оставленными византийскими и восточными авторами (Лев Диакон, Ибн-Фадлан и др.). Известная картина Г. И. Семирадского «Похороны знатного русса» писалась для интерьеров Исторического музея как по письменным, так и по вещественным источникам — тем, что были открыты в Чернигове.

Самоквасов констатировал, что «различная величина могильных насыпей в общественных кладбищах и различное богатство погребенных, выражающееся в большем или меньшем количестве, в лучшем или худшем качестве вещей, найденных в той или иной могиле, доказывают *неравенство общественного положения и имущественного состояния* отдельных лиц в древнеславянских общинах»²¹.

По всем показателям — по роскоши и разнообразию погребального инвентаря во всяком случае и, кажется, по размерам²² кургана — Черная могила — самое большое и пышное языческое погребение, известное славянской археологии, исследовавшей тысячи подобных памятников. Описания этого кургана, репродукции отдельных вещей из него вошли во все издания школьных и вузовских учебников по истории СССР²³, энциклопедии, многочисленные монографии и популярные книги, посвященные Древней Руси. Благодаря роману-эссе В. Чивилихина «Память» о Черной могиле и ее первооткрывателе узнали широкие круги современных читателей.

20 По данным специальных оружейно-археологических исследований, сабельная форма клинка позволяет сохранить убойную силу удара при меньшем весе и прилагаемом усилии и погасить эффект отдачи после удара по сравнению с обоюдоострым утяжеленным мечом. См.: Соловьев А. И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкций в археологии. — Новосибирск, 1985. — С. 152–153.

21 Самоквасов Д. Я. История русского права... — С. 146.

22 Высота свыше 11 м, диаметр основания — около 40 м. Стоя на вершине Черной могилы, срезанной раскопками, у обелиска, вы находите вровень с крышей соседнего четырехэтажного дома. По меткому наблюдению Б. А. Рыбакова, «внутри окружности кургана мог бы поместиться черниговский Спасский собор и две церковки вроде Ильинской! Совершение обряда сожжения на кострище, площадью свыше 300 м, расположенном на высоком берегу Десны, должно было быть видимо... в округе километров на 30 во все стороны». См.: Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... — С. 307.

23 Фото бронзового идола из Черной могилы (до реставрации) помещено в учебнике по истории для 7 класса средней школы. См.: Нечкина М. В., Лейбенгруб Н. С. История СССР. Учебник для 7 класса. — М., 1981. — С. 39.

Согласно логике сообщения Т. А. Пушкиной, можно думать, что в центре Чернигова был погребен со всеми возможными почестями и в строгом соответствии с местным славянским ритуалом не русс, а швед или норвежец (этническое определение), не русский князь, но наемный полководец, а то и иноземный завоеватель (социальное определение).

Как же аргументировала Т. А. Пушкина скандинавское происхождение идола, вольно или невольно приводящее читателя ее статьи к столь смелым предположениям? По собственному ее объяснению — по аналогии, заметим, далеко не полной. Позволим себе напомнить, что аналогия представляет собой один из видов индуктивного умозаключения, которое обычно дает нам не достоверное, а лишь правдоподобное знание. Что и подтверждается лишним раз в данном случае. Черты сходства на приведенных Т. А. Пушкиной репродукциях отретаврированного божка со скандинавскими изображениями Тора имеются — иногда большие, иногда весьма отдаленные. Большинство этих черт — примем во внимание целевидный рот, круглые, слегка вытаращенные глаза, скрещенные или сведенные на груди руки, одна из которых держала некий предмет²⁴, уже не сохранившийся, — отвечают очень многим изображениям в стиле примитивного, традиционного искусства разных времен и народов²⁵.

Более чем странно, что автор разбираемой нами публикации занята поисками исключительно скандинавских прототипов черниговского идола и не находит ничего ему подобного среди древностей Руси IX–XI вв., а также синхронных балтских, финских, тюркских поделок. Копий или прямых аналогий данной статуэтке среди них сразу, может быть, и не сыщешь, как впрочем и среди скандинавских вещей. Что же касается подобий — опять-таки, более или менее близких — то их вполне достаточно для подтверждения местного, славянорусского значения идолчика. Последний сопоставим и с литыми серебрянными бляшками, изображающими присевших мужчин, из клада VI в., обнаруженного в селе Мартыновка на Киевщине, и с еще более известным Збручским идолом, и с его многочисленными «родственниками» — стилизованными изображениями славянских и праславянских кумиров из разных мест, и с деревянными «портретами» домовых, добытыми при новгородских раскопках²⁶. Изготовленные из цветных металлов фигурки языческих божков небольшого размера — не такая уж редкая находка на территории древнеславянских поселений и капищ.

То обстоятельство, что предметы скандинавского, шире — западноевропейского языческого культа и восточноевропейской, именно славянской, религии

24 Молот Тора, намекает Т. А. Пушкина; священный ритон, наподобие найденных в Черной могиле или же изображенного на одной из сторон в руке знаменитого Збручского идола-Святовита из Кракова, предполагаем мы.

25 См., например: Мариманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство. — М., 1973. — С. 42, 66, 237, 274–275, 306.

26 См.: Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. — М., 1982. — С. 72, 264–268, 286–289; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... — С. 64, 66, 67, 141, 231–251.

чем-то похожи друг на друга, естественнее объяснить отражением в них сходного уровня, близких этапов социально-исторического развития народов этого континента, нежели прямым заимствованием на Русь с Запада.

Можно даже предположить общие прототипы рассматриваемого вида изображений среди инвентаря древнейших (вплоть до каменного века) археологических культур, где широко представлены миниатюрные антропоморфные изображения, в том числе сходные с талисманом Черной могилы²⁷. С другой стороны, некоторое подобие отдельных образцов прикладного искусства Скандинавии и Руси получает дополнительные объяснения в сознательном смешении, «гибридизации» мотивов, традиционных для различных по характеру культур. Не принадлежит ли черниговский истуканчик к числу вещей-гибридов, встречающихся среди памятников X в.²⁸

Т. А. Пушкина увидела в открытых реставрацией чергах божка атрибуты Тора — бороду и широкий пояс. Но они вовсе не составляют привилегии скандинавского бога по сравнению с другими мифологическими персонажами языческой эпохи. И то, и другое характерно, например, для скифских изображений их генеалогических легенд и бытовых сцен²⁹. К тому же покрой одеяния божка совпадает во многих деталях с реконструируемой по набору металлических пуговиц, нашивных бляшек и нитей верхней одежды типа кафтана с наборным поясом, которую носили погребенные в черниговских курганах мужчины. А на серебряной оковке одного из турьих рогов из Черной могилы изображен все тот же бородатый мужчина в длинной подпоясанной рубахе. Так что, якобы скандинавский идол одет вполне по черниговской моде X в.³⁰

Короче, само по себе интересное сообщение Т. А. Пушкиной о результатах реставрации уникального, эталонного памятника древнерусской культуры ей никак не следовало завершать фактическим вычеркиванием его из контекста этой последней. У иного читателя это может вызвать представления, схожие с печальной памяти норманистскими выкладками некоторых представителей старой исторической науки. Судите сами — реферат статьи Т. А. Пушкиной, помещенный в популярном журнале «Наука и жизнь» (1985. — № 2. — С. 13), прямо, без оговорок озаглавлен: «Статуэтка из Скандинавии».

На самом деле, где бы в действительности ни была изготовлена эта статуэтка, она из Чернигова, поскольку служила тамошнему князю при его жизни и сопровождала его после смерти.

27 См., например: Еллинек Ян. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. — Артия, 1983 (раздел «Зооморфные и антропоморфные изображения. Люди»).

28 См.: Славяне и скандинавы. — М., 1986. — С. 237–240.

29 См.: Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. — М., 1977. — С. 31–45; Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. — К., 1983. — С. 72–76, 79. Некоторые глиняные фигурки с изображениями скифов, например, из кургана у станицы Червленной, разительно похожи на самоквасовского идольчика.

30 См. еще: Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. — М., 1986. — С. 33, 43–45.

Заметим еще, что в своей попытке переатрибутировать археологические памятники отечественного производства на иноземные Т. А. Пушкина не одинока. В этом смысле самоквасовским находкам вообще не везет. Так, в обобщающей работе Г. Н. Бочарова «Художественный металл Древней Руси» рассмотрены и репродуцированы все известные памятники этого вида ремесла, кроме... самых прославленных — турьих рогов из Чёрной могилы. «Основание? Серебрянные чеканные обкладки турьих рогов, — объясняет в примечании автор, — одна из которых традиционно считалась восточной, а другая русской работой, относительно недавно были переатрибутированы венгерскими исследователями. Приведенные им и достаточно весомые аргументы позволяют отнести их к восточному искусству в его так называемом «венгерском варианте»³¹.

Выходит, на черниговских князей — властителей обширной земли — работали не только скандинавские, но и венгерские мастера. И те, и другие, заметим, — в период длительных миграций («викингов», кочевья), так сказать, на ходу.

Уровень культурного развития, в том числе ремесла, соседних со славянами народов был в конце I тыс. н. э. различен, но в большинстве своем сравнительно высок и, главное, своеобразен. Нам нет нужды искусственно умалить его. Но стоит ли поспешно «переатрибутировать» памятники, не одним поколением отечественных исследователей считавшимися шедеврами русской культуры, отмечающими ее истоки?

На этот ригористический вопрос нам дает ответ никто иной, как сам Д. Я. Самоквасов. В свое время его богатейшая коллекция археологических находок, собранная за два десятилетия неустанных поисков, демонстрировалась на Всемирной выставке в Париже. Там она привлекла внимание европейских знатоков древней культуры, в том числе известного датского ученого Й.-Я. Ворсо, на авторитет которого ссылается и Т. А. Пушкина в своей статье. Представители Британского музея, который не имел отдела славянских древностей, предложил владельцу (через его земляка, украинского историка-любителя и богача-мecenата Б. И. Ханенко) продать коллекцию за немалые деньги. В ответ на это Д. Я. Самоквасов заявил: «По моему мнению, древностей своей родины нельзя продавать в чужую страну, а потому в 1891 г. я все свое собрание передал безвозмездно в Императорский Российский исторический музей»³².

Не станем же и мы спешить с малоаргументированным отказом реставрированным предметам из коллекции Д. Я. Самоквасова принадлежать к отечественной истории и культуре.

31 Бочаров Г. Н. *Художественный металл Древней Руси. X — начало XI вв.* — М., 1984. — С. 12. Обстоятельнейшая интерпретация сюжетов на оковке рогов дана Б. А. Рыбаковым. Кроме цитированной, см. его кн.: *Киевская Русь и русские княжества IX–XIII веков.* — М., 1982.

32 Самоквасов Д. Я. *Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей.* — М., 1908. — С. 19.